

Чжао Хуайцзинь присел перед Се Муцином, чтобы осмотреть его раны, но увидел, как тот с трудом улыбнулся ему. Эта улыбка была настолько уродливой, что он даже не успел её оценить, как Се Муцин потерял сознание. Чжао Хуайцзинь замер, затем мгновенно среагировал:

— Позовите врача! Наследный принц без сознания!

Императорский наставник с раздражением махнул рукой.

— Зачем так усложнять? Не нужно звать столько людей, чтобы нарушать мой покой.

Затем он позвал Сяо Синя:

— Принеси мне таз с водой, и помни — холодной!

— Слушаюсь!

Теперь император Шэндэ и Чжао Хуайцзинь поняли, что ждёт Се Муцина. Они с тревогой вышли из зала, и вскоре мокрого, но пришедшего в себя Се Муцина вынесли из зала. В руках Сяо Синя был зелёный флакон.

— Это лекарство, приготовленное Императорским наставником. Оно очень эффективно, гарантирует, что наследный принц восстановится до завтрашнего дня.

Чжао Хуайцзинь посмотрел на изуродованного Се Муцина, висящего на нём, и почувствовал, что флакон в его руке весит тысячи фунтов.

Се Муцин лежал на кровати, стонал. Он чувствовал, что в последнее время его преследует череда неудач. Сначала старые министры на приёме доставляли ему неприятности, настаивая на назначении императрицы, затем дядя захотел его поколоть. Он глубоко вздохнул и поманил к себе Се Мучжана, который сидел на табурете у его кровати.

— Мучжан, брат, слушай, когда будешь учиться у дяди боевым искусствам, не старайся слишком сильно. Боевые искусства нужны для укрепления здоровья, а не для того, чтобы, как дядя, вымещать злость на других...

— Похоже, наследный принц недоволен моими методами! — не успел он закончить, как в дверях раздался холодный голос, от которого у Се Муцина по коже побежали мурашки. Он тут же повернулся к вошедшему с лстивой улыбкой.

«Брат, где твоё лицо?» — Се Мучжан с искажённым лицом смотрел на улыбающегося брата, затем на холодный профиль Императорского наставника и, проявив мудрость, поднял свой табурет, почтительно поклонился и вышел из покоев. Дядя — это не тот, с кем стоит связываться, лучше держаться подальше.

Мерзавец, столько вкусностей тебе скормил, а в критический момент сбежал? Где же братская любовь? — Се Муцин ругал его в душе, но быстро спустился с кровати, налил чай Императорскому наставнику и пододвинул табурет. — Императорский наставник, прошу.

Тот с презрением взглянул на него, но всё же сел и сделал глоток чая, после чего нахмурился:

— В твоём Дворце Чаннин только такая дрянь? Ты хочешь меня этим угощать?

Се Муцин был в отчаянии:

— Дядя, это же лучший Билочунь, вода из горного источника! Это самое ценное, что есть в моём дворце, я сам редко его пью, как я могу тебя обманывать?

Императорский наставник фыркнул:

— Ладно, сегодня во дворце уже ходят слухи о наших разногласиях. Завтра используй это, чтобы решить вопрос с назначением императрицы. Не хочу больше слышать, как твой отец приходит ко мне жаловаться на дела в зале собраний!

Се Муцин наконец понял, в чём дело. Он с недовольством пожаловался:

— Дядя, в следующий раз, когда вы с отцом задумаете что-то подобное, предупреди меня заранее! После твоих ударов я даже хочу пойти в Симинтан и поплакать. Неужели ты не мог бить помягче?

Императорский наставник вдруг улыбнулся:

— Я же знаю, что ударил слишком сильно, поэтому пришёл проведать тебя и нанести лекарство. Где моё лекарство?

Се Муцин был очарован редкой улыбкой дяди. Дядя — настоящий красавец! Он погрузился в эту улыбку, которая могла растопить лёд, заставить цветы распуститься, бабочек порхать...

— Аааа! Больно, больно, дядя, полегче, дядя, я больше не буду! — из покоев Дворца Чаннин раздался крик, похожий на визг свиньи. Чжао Хуайцзинь с сожалением смотрел на только что разложенную бумагу, в центре которой была круглая капля чернил. Се Мучжан подавился кусочком пирожного, кашляя и краснея. Сяо Лань-цзы у двери смотрел на небо. Сегодня оно было таким голубым!

Хотя Императорский наставник ударил сильно, основная боль была вызвана действием лекарства. Оно быстро действовало, но нанесение на раны было мучительным. Даже сильный мужчина не смог бы сдержать стонов, не говоря уже о избалованном Се Муцине.

Се Муцин оставил несколько синяков, чтобы на утреннем приёме вызвать жалость у чиновников. Он намекал, что его уже так сильно избили, и если они продолжат, Императорский наставник разозлится, а это будет иметь серьёзные последствия. Он бросил многозначительный взгляд, и чиновники, задумавшись над его словами, провели бессонную ночь, размышляя о скрытых смыслах взгляда наследного принца. На следующее утро император Шэндэ обнаружил, что его верные министры выглядят измождёнными, как увядшие цветы...

Неужели вопрос с назначением императрицы был закрыт? Нет, конечно, нет. Чиновник Лю, обладая упорством и волей, продолжал настаивать на своём, стремясь достичь своей цели любой ценой.

Супруга Дэ с улыбкой смотрела на родственников Лю:

— Цяоянь, посмотри, твой дедушка даже за пределами дворца заботится о тебе, своей внучке. Даже я, его дочь, не достаиваюсь такого внимания. В письме он пишет только о тебе!

Лю Цяоянь сразу поняла, что её тётя прочитала письмо от дедушки. Она молилась, чтобы в письме не было ничего запретного.

Но судьба распорядилась иначе.

— Я уже говорила тебе, чтобы ты написала отцу, что вопрос с назначением императрицы больше не стоит обсуждать, — супруга Дэ подняла бровь, её глаза были полны решимости.

Лю Цяоянь опустилась на колени:

— Тётя, я действительно упомянула в письме вопрос с назначением императрицы, но как дедушка воспримет это, я не могу контролировать. Прошу вас, поймите меня!

Она подняла своё изящное лицо, глаза её блестели, вызывая жалость.

Супруга Дэ подняла её подбородок:

— Кан Юань, посмотри, какое у нашей Цяоянь красивое лицо. Если бы я была мужчиной, я бы тоже влюбилась в неё.

Она шутила с Кан Юанем, но в её глазах Лю Цяоянь увидела презрение.

— Цяоянь, я повторяю ещё раз, напиши своему амбициозному дедушке, чтобы он больше не думал о назначении императрицы. Это не принесёт пользы семье Лю. Даже если император согласится, новой императрицей станет благородная супруга Сянь, а не я!

На этот раз супруга Дэ сказала всё прямо, чтобы они больше не болтали. Её отец, Лю Цюань, столько лет провёл в политике, но теперь даже такие вещи не понимает.

— Цяоянь поняла, — она покорно ответила, опустив голову, чтобы скрыть ненависть в глазах. «Я обязательно завоюю сердце наследного принца. Когда он взойдёт на трон, я стану императрицей, а ты, супруга Дэ, будешь всего лишь матерью императора. Тогда...» — Лю Цяоянь предвкушала это, составляя в уме ещё несколько планов, как сблизиться с Се Муцином.

— Апчхи!

Се Муцин писал, когда сильный чих заставил его руку дрогнуть, испортив прекрасный каллиграфический текст.

Чжэньчжэнь вошла, держа в руках халат, и, накинув его на Се Муцин, начала ворчать:

— Ваше Высочество, я же говорила, что осенью нужно одеваться теплее. Здоровье нужно беречь!

Се Муцин улыбнулся ей:

— Я знаю. Сегодня погода такая хорошая, я не стал одеваться теплее. И я не чувствую холода, не знаю, почему чихнул. Сейчас всё в порядке.

Он с недоумением почесал голову.

Ваше Высочество, это ваша будущая невеста о вас думает!